

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ

Стельмах Владимир Юрьевич

Кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург),
e-mail: vlstelmah@mail.ru

Исследуются актуальные теоретические и практические вопросы, связанные с заключением специалиста как видом доказательств в уголовном судопроизводстве. Автор приходит к выводу, что компетентность эксперта и специалиста изначально должна признаваться равной. Специалист для составления заключения обязан произвести исследование объекта. Поскольку специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, его заключение не может иметь ту же доказательственную силу, что и заключение эксперта. В настоящее время заключение специалиста применяется в стадии возбуждения уголовного дела в виде «предварительных исследований», однако автор предлагает отказаться от такой конструкции и заменить ее сокращенной экспертизой. Возможность запрашивать заключение специалиста в перспективе целесообразно оставить только для невластных участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, доказывание, заключение специалиста, следственные действия

CONCLUSION OF A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE LEGAL NATURE AND PROSPECTS OF THE USE IN PROVING

Stel'makh Vladimir

Ural Institute of the Interior of Russia (Yekaterinburg),
e-mail: vlstelmah@mail.ru

The paper investigates the current theoretical and practical issues of conclusion of a specialist as a form of evidence in criminal proceedings. The author concludes that the expert's and specialist's professional competence should be recognized as equal. For drawing up the conclusion a specialist will study the object. As a specialist is not warned of criminal liability for knowingly giving false conclusion, his conclusion may not have the same probative value as the expert's opinion. Currently, conclusion of a specialist is applied at the stage of excitation of criminal case in the form of «preliminary studies», however, the author proposes to abandon such a construct and replace it with an abbreviated examination. It is appropriate to use the specialist's conclusion only for the powerless participants in criminal proceedings.

Key words: criminal proceedings, preliminary investigation, proof, conclusion of a specialist, investigative actions

В 2003 г. законодатель ввел в УПК РФ такой вид доказательств, как заключение специалиста (п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК РФ), оставив при этом традиционное заключение эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Вскоре после этого в теории уголовного процесса

и правоприменительной практике начали возникать вопросы относительно правовой природы заключения специалиста и его места в системе доказательств¹.

В соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста – это представленное в письменном виде суждение специалиста по вопросам, поставленным перед ним сторонами. При этом в уголовно-процессуальном аспекте специалистом признается лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Заключение эксперта законодатель определяет как представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК РФ).

С одной стороны, и эксперт, и специалист в уголовном судопроизводстве – это лица, обладающие специальными знаниями. По поводу понятия «специальные знания» среди процессуалистов не достигнут консенсус. Не углубляясь в дискуссию по данной проблеме, требующей самостоятельного исследования, отметим, что наиболее обоснованным представляется понимание специальных знаний как «не имеющих общего распространения, не доступных лицам, ведущим уголовное судопроизводство (судье, прокурору, следователю, дознавателю), но которыми глубоко и профессионально владеет относительно узкий круг специалистов»². По сути, судья, прокурор, следователь, дознаватель вынуждены обращаться к обладателям специальных знаний для принятия по делу законного и обоснованного решения.

Очевидно, что различия между экспертом и специалистом нельзя проводить по «глубине» владения ими специальными знаниями, т. е. по уровню компетентности. Нигде в законе не сказано, что эксперт каким-то образом должен превосходить специалиста по указанному показателю. Ясно, что специалист – это не «недостаточно квалифицированный» эксперт, а самостоятельный участник уголовного судопроизводства с собственными задачами, объем которых обуславливает его процессуальный статус. Очень спорным выглядит предложение А. П. Когосова о разграничении компетенции эксперта и специалиста (например, по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств вопрос об отнесении вещества к наркотическому средству ставить перед экспертом, а о возможности его получения в кустарных условиях – перед специалистом)³. Совершенно неясны те научно обоснованные методологические принципы, по которым можно произвести указанную градацию. Если же полагать заключение специалиста его мнением, строго не опирающимся на кон-

¹ См., например: *Лазарева Л. В.* Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста // *Вестн. Владимирского юрид. ин-та.* 2007. № 1. С. 242.

² *Балакишин В. С.* Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: моногр. М., 2016. С. 203. См. также: *Эйсман А. А.* Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967. С. 128.

³ *Когосов А. П.* Получение заключений и показаний специалиста как одна из форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // *Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право.* 2011. № 6. С. 47.

кретные научно разработанные методики, непонятна доказательственная ценность такого вида доказательств для уголовного дела.

С другой стороны, даже из текста закона видны различия как между экспертом и специалистом, так и между даваемыми ими заключениями.

1. Единственное предназначение эксперта в уголовном судопроизводстве – это производство экспертного исследования и дача заключения по его результатам.

Задачи специалиста шире и включают: а) участие в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела; б) постановку вопросов перед экспертом; в) разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста. При этом, как справедливо отмечается, «в отличие от эксперта, задачи специалиста носят ярко выраженный консультативный характер»¹. По смыслу закона, роль специалиста состоит прежде всего в оказании помощи сторонам в проведении действий или принятии решений. Именно поэтому заключение специалиста, имеющее самостоятельную доказательственную ценность, не в связи с действиями следователя, не вполне соответствует «идеальному» предназначению данного участника уголовного судопроизводства.

2. Заключение эксперта в силу ч. 1 ст. 80 УПК РФ должно в обязательном порядке отражать содержание проведенного исследования. Это же обстоятельство подчеркивается в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»², где обращено внимание на то, что экспертиза должна назначаться при одновременном наличии двух обстоятельств: а) необходимости применения специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле; б) необходимости исследования объекта. Если же проведение исследования не требуется, Пленум Верховного Суда предлагает ограничиться допросом специалиста. В то же время в ч. 3 ст. 80 УПК РФ требований об обязательном проведении исследования применительно к заключению специалиста не содержится. Более того, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ вообще не содержится указания на то, что специалист проводит какие-либо исследования. Подобные законодательные конструкции привели отдельных процессуалистов к выводу, что специалист составляет заключение вообще без исследования соответствующего объекта, максимум, что при этом вправе осуществлять специалист, – это внешний осмотр объекта, без внесения в него каких-либо изменений.

Так, В. М. Быков полагает, что «специалист, как правило, основывает свое заключение только на своем профессиональном опыте и внешнем осмотре представленного на заключение объекта, полного исследования объекта специалист не проводит. Ограничиваясь внешним осмотром представленных ему объектов – документов, предметов и веществ, специалист свои специальные познания и профессиональный опыт использует только для формирования своего суждения и мнения о сущности и отдельных признаках объекта, которые представляет в своем заключении. Практически для принятия следователем обоснованного решения о возбуждении уголовного дела этого заключения специалиста бывает вполне достаточно»³.

¹ См., например: Захохов З. Б. Формы использования специальных познаний при формировании заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2011. № 2. С. 117–118.

² Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 2. С. 2–6.

³ Быков В. М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Рос. юстиция. 2013. № 5. С. 27.

Такой подход, однако, представляется весьма спорным. Сторонники приведенной точки зрения не учитывают, что специалист – это носитель специальных знаний, его участие в уголовном судопроизводстве без применения этих знаний невозможно. В свою очередь, реализация специальных знаний без исследования объекта практически немыслима. С одной стороны, позиция, в соответствии с которой специалист наделен правом определения свойств объекта без его исследования, свидетельствует об излишнем и необоснованном доверии к деятельности данного участника уголовного судопроизводства. То, что эксперт устанавливает только после исследования, с применением научно обоснованных методик, специалист вправе определить «на взгляд», практически «без прикосновения» к объекту. Поневоле возникает вопрос: в силу каких обстоятельств специалист наделен такими возможностями? Полагаем, что рационального объяснения здесь просто не существует. С другой стороны, подобный подход оставляет заключение специалиста крайне уязвимым и подрывает его доказательственное значение по тем же причинам, которые только что были сформулированы. Как можно доверять выводам о природе объекта, его отнесении к той или иной группе (наркотическим средствам, оружию, боеприпасам, поддельным документам), если эти выводы сделаны без исследования свойств объекта, а только по результатам его внешнего осмотра?

Кроме того, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ содержится указание на то, что специалист, помимо прочего, применяет технические средств для исследования материалов уголовного дела. Конечно, формулировка является нечеткой и допускает неоднозначное толкование, но ее вполне можно интерпретировать таким образом, что специалист вправе исследовать материалы уголовного дела с применением технических средств. Такое толкование позволяет согласиться с тем, что специалист вправе производить исследования представленных объектов. Необходимо отметить, что предложенное толкование вполне корректно и как минимум не уступает в логичности противоположному, предполагающему отсутствие в законе права специалиста на проведение исследований. Более того, признание за специалистом указанного права не может нарушить конституционные права граждан, не противоречит принципам уголовного судопроизводства и базовым положениям, устанавливающим процессуальный статус участников уголовного процесса. Наконец, возможность проведения исследований специалистом признается и многими процессуалистами¹.

Некоторые исследователи делают попытку разграничить компетенцию эксперта и специалиста по степени сложности проводимых ими исследований. В частности, А. Н. Петрухина полагает, что «разграничение заключения эксперта от заключения специалиста должно осуществляться с учетом характера и объема проводимых исследований. Судебные экспертизы проводятся во всех случаях необходимости идентификационных исследований и сложных диагностических исследований, проводимых после возбуждения уголовного дела. Заключение специалиста дается по вопросам, поставленным сторонами, и может основываться также на результатах простых классификационно-диагностических исследований, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела»². Теоретически с таким подходом можно согласиться,

¹ См., например: *Божкова Н. Р.* Заключение специалиста // Актуальные проблемы рос. права. 2008. № 4. С. 311–312; *Бельский А. И.* Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10; *Сучков А. В., Семенов А. В.* Заключение специалиста как самостоятельный вид доказательств // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2009. Т. 1. № 4. С. 64.

² *Петрухина А. Н.* Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

однако на практике четко выделить критерии, позволяющие отграничить сложное исследование от простого, по сути невозможно.

С нашей точки зрения, специалист при составлении заключения не только вправе, но и объективно обязан осуществить исследование представленного объекта. В противном случае достоверность заключения окажется практически на нулевом уровне, поскольку никакой авторитет и опыт не в состоянии заменить исследование.

3. Экспертиза может назначаться только властными участниками уголовного судопроизводства (на досудебных стадиях – следователем и дознавателем, при судебном рассмотрении дела – судом). Обращение к специалисту за получением его заключения могут инициировать и невластные участники уголовного судопроизводства со стороны как обвинения, так и защиты. Кроме того, о назначении экспертизы составляется постановление или определение, процессуальный порядок обращения к специалисту за получением его заключения законодательно не регламентирован. Также, в отличие от экспертизы, не установлена форма заключения специалиста.

4. Эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ (ч. 5 ст. 57 УПК РФ). В ст. 58 УПК РФ, регламентирующей уголовно-процессуальный статус специалиста, требований о предупреждении данного участника судопроизводства по этой норме уголовного закона не содержится. Это однозначно свидетельствует о том, что специалист не может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Как известно, если определенные процессуальные права и «привилегии» могут предоставляться в случае отсутствия прямого указания в законе в силу процессуальной аналогии, то распространение по аналогии обязанностей и мер ответственности абсолютно недопустимо. Невозможна и аналогия уголовного закона (а именно это будет происходить в случае привлечения к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ специалиста). В результате заключение специалиста, в отличие от заключения эксперта, оказывается полностью лишенным такого важнейшего механизма подтверждения достоверности и правильности, как предупреждение его составителя об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Итак, анализ схожих черт и отличий заключения эксперта и заключения специалиста, закрепленных непосредственно в УПК РФ, позволяет сделать ряд выводов:

1. Заключение эксперта и заключение специалиста составляются лицами, обладающими специальными знаниями, по результатам исследования объектов.

2. Компетентность эксперта и специалиста при разрешении поставленных перед ними вопросов изначально должна признаваться равной. По крайней мере, нигде в законе не сказано, что специалист каким-то образом уступает эксперту в квалификации, опыте, объеме знаний и прочих подобных факторах.

3. Экспертиза назначается только властными участниками уголовного судопроизводства (дознавателем, следователем, судом), обращение к специалисту за получением его заключения может быть инициировано невластными участниками.

4. Эксперт перед проведением исследований и составлением заключения предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, а специалист не предупреждается и не несет ответственности по данной норме уголовного закона.

В результате вполне обоснован следующий вывод: заключения эксперта и специалиста практически полностью совпадают в содержательном аспекте, однако имеют различное доказательственное значение. Их равенство с точки зрения доказатель-

ственной силы в условиях действия нынешнего закона в принципе невозможно, поскольку в заключении специалиста отсутствует столь критически важный механизм обеспечения достоверности, как предварительное предупреждение специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Возникает резонный вопрос: как могут одновременно существовать в уголовном судопроизводстве два вида доказательств (а значит, и два процессуальных действия, по результатам проведения которых формируются данные виды доказательств), совпадающие по содержанию, но различающиеся по форме и доказательственному значению? Параллельное существование подобных видов доказательств и средств их получения может оказать весьма негативное влияние на всю систему доказательств, нарушить ее логичность, стройность и целостность.

Некоторые ученые видят выход в том, чтобы законодательно предусмотреть ответственность специалиста при даче заключения по ст. 307 УК РФ¹. В таком случае, по их мнению, заключение специалиста приобретет необходимую доказательственную силу путем введения механизма подтверждения достоверности его результатов. Однако если подобные изменения будут приняты, то два вида доказательств (заключение эксперта и заключение специалиста) сольются окончательно. Между ними не будет абсолютно никакой разницы. Тогда возникнет еще более острый вопрос о правомерности существования двух полностью совпадающих видов доказательств, отличающихся, по сути, только названием. И. Овсянников в связи с этим резонно отмечает, что предлагаемый подход «позволил бы следователю (дознавателю) в подавляющем большинстве случаев (кроме случаев обязательного назначения судебной экспертизы) отказаться от использования института судебной экспертизы в пользу заключения специалиста. Такая перспектива весьма заманчива, так как в отличие от сложной процедуры назначения и производства судебной экспертизы порядок истребования заключения специалиста законом не регламентирован. В частности, для следователя (дознавателя) не предусмотрено обременительных обязанностей по вынесению какого-либо обоснованного и мотивированного постановления, по своевременному ознакомлению с ним невластных участников процесса, по разъяснению им их прав и рассмотрению их ходатайств, связанных с предстоящей дачей специалистом заключения»².

Думается, что в принципе недопустима ситуация, когда в уголовном судопроизводстве параллельно существует несколько видов доказательств, совпадающих и по содержанию, и по доказательственному значению, однако различающихся по процедуре получения. Разумеется, правоприменитель в подобных случаях выберет наиболее легкую процедуру. Однако очевидно, что принятая процедура создана не произвольно, а с учетом особенностей получения и закрепления необходимой для доказывания информации. В данной ситуации можно констатировать, что форма, будучи производной от содержания, оказывает на него обратное, и весьма существенное, влияние, позволяя добиться соблюдения конституционных прав граждан и достоверности отражения сведений. Соответственно, необоснованно «облегченная» процедура неминуемо скажется негативно на содержании полученного доказательства.

¹ См., например: Семенов Е. А. Специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения: упущение законодателя или вызванная необходимостью? // Наука и практика. 2014. № 3. С. 94.

² Овсянников И. Дискуссиям о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2. С. 50.

Выход из создавшейся ситуации видится несколько в ином. Заключение специалиста может использоваться властными участниками уголовного судопроизводства только в тех случаях, когда получение заключения эксперта невозможно по объективным причинам. В настоящее время подобная ситуация складывается до возбуждения уголовного дела. Несмотря на то что УПК РФ с 2014 г. разрешает производство экспертизы до возбуждения дела, практическая возможность ее назначения весьма затруднена.

Закон требует знакомить с постановлением о назначении экспертизы обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ¹ и разъяснению Пленума Верховного Суда РФ ознакомление указанных участников с постановлением о назначении экспертизы должно быть произведено до ее завершения. Это вполне логично, поскольку в противном случае лица утрачивают предоставленные им законом возможности по заявлению ходатайств, в том числе постановке вопросов перед экспертом, отводу эксперта, личному присутствию при проведении экспертного исследования и т. п. Вместе с тем до возбуждения дела процессуального статуса у таких лиц не имеется. Правда, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 предусматриваются случаи, когда лицо признается подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы. В таких условиях лицо должно быть ознакомлено с постановлением о назначении экспертизы одновременно с приданием соответствующего процессуального статуса. Однако очевидно, что данное разъяснение направлено на регламентацию ситуаций, в которых придание лицу надлежащего процессуального статуса невозможно по объективным причинам (физическое отсутствие указанных лиц в распоряжении следователя, отсутствие сведений о причинении им ущерба в результате совершения преступления либо, напротив, об их причастности к преступлению и т. п.). Иными словами, речь о тех случаях, когда у органа предварительного расследования нет физической возможности придать лицу статус (например, если обвиняемый не установлен или скрывается от следствия). До возбуждения уголовного дела ситуация иная: лица зачастую находятся в «физической доступности», но не имеют процессуального статуса, а придать его не представляется возможным вследствие правовой коллизии.

Правоприменительная практика складывается по-разному. Имеют место случаи ознакомления лиц с постановлением о назначении экспертизы без придания этим лицам процессуального статуса либо с указанием не предусмотренного законом статуса «лицо, в отношении которого назначена судебная экспертиза»; при этом, однако, совершенно неясен объем прав соответствующего лица при производстве экспертизы (как известно, у подозреваемого и потерпевшего он различен). В других случаях ознакомление с постановлением о назначении экспертизы производится после возбуждения уголовного дела и приобретения лицами процессуального статуса. Но тогда нарушаются требования Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда РФ об ознакомлении лица с постановлением о назначении экспертизы до завершения ее производства, поскольку в подавляющем большинстве случаев экспертиза до

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хожая Артема Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 195 и частью первой статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 7-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statistics/Pages...> (дата обращения: 15.05.2016).

возбуждения уголовного дела назначается для установления оснований принятия данного решения (например, является ли вещество наркотическим средством, объекты – оружием и т. п.). Возникает своего рода замкнутый круг: процессуальный статус лица приобретают только после возбуждения уголовного дела, решение о возбуждении дела может быть принято только после получения заключения эксперта, однако его изготовление до ознакомления соответствующих лиц с постановлением о назначении экспертизы будет незаконным.

Кроме того, методики проведения любой экспертизы подразумевают полное исследование представленных эксперту объектов, а также наличие в структуре заключения эксперта исследовательской части, в которой подробно излагается процесс исследования объектов, указываются примененные экспертом методики и обосновываются полученные результаты. Очевидно, что проведение экспертизы в полном объеме и изготовление заключения эксперта требуют достаточно длительного времени. Это практически невозможно, когда лицо задерживается, например, с объектом, могущим быть наркотическим средством или оружием. В подобных ситуациях следователь жестко связан трехчасовым сроком, в течение которого должно быть принято решение о процессуальном задержании лица (а перед этим – о возбуждении уголовного дела). Совершенно очевидно, что в течение трех часов экспертизу нельзя произвести по объективным причинам. Возможно, конечно, максимально ускорить срок ее проведения за счет более быстрого решения организационных вопросов (немедленное доставление объекта в экспертное подразделение и т. п.), однако экономия времени в любом случае не будет достаточной для своевременного проведения экспертизы.

Именно в силу указанных обстоятельств следователи, как правило, не используют предоставленную законом возможность назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, а продолжают идти по пути назначения исследований. Ранее такие исследования было принято называть «предварительными». В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь (дознатель) получил право назначать проведение исследований предметов, документов, трупов с привлечением специалиста. Соответственно, термин «предварительное» применительно к исследованию, проводящемуся в стадии возбуждения уголовного дела, утратил актуальность. Следует согласиться с авторами, полагающими, что результаты данных исследований представляют собой не что иное, как заключение специалиста¹. Необходимо, правда, отметить, что многие процессуалисты против отнесения результатов исследований к заключению специалиста именно потому, что закон, по их мнению, не предоставляет специалисту права на исследование объектов. Сторонники этой точки зрения рассматривают результаты исследований как иные документы².

Иногда такого подхода придерживается и правоприменитель. Так, Первоуральским городским судом Свердловской области было возвращено прокурору уголовное дело по обвинению И. в совершении незаконного оборота наркотических средств. До возбуждения уголовного дела в отношении изъятого вещества было проведено предварительное исследование, в ходе следствия вещество было утрачено и для про-

¹ См., например: *Еремин С. Н.* Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве: Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 11.

² См., например: *Зайцева Е. А., Садовский А. И.* Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. Волгоград, 2013. С. 203.

изводства экспертизы не предоставлялось. Обвинение И. было предъявлено на основе справки о результатах предварительного исследования. Возвращая уголовное дело, суд отметил, что предварительное исследование – форма деятельности такого участника уголовного судопроизводства, как специалист, однако уголовно-процессуальным законом возможность проведения специалистом исследований не предусмотрена. Впоследствии уголовное дело было прекращено за отсутствием события преступления¹.

Полагаем подобный подход весьма спорным. Во-первых, возможность специалиста проводить исследования была обоснована выше. Повторим, что толкование, которого придерживается автор настоящей работы, не менее обоснованно, чем отрицающее возможность выполнения специалистом исследований. Во-вторых, результат исследования в гносеологическом смысле – это выводы лица, обладающего специальными знаниями, сделанные по результатам проведенного исследования объекта. Отнесение таких сведений к иным документам не совсем соответствует их природе, поскольку в познавательном аспекте они гораздо ближе к заключению эксперта и специалиста. Указанные виды доказательств и созданы для того, чтобы облечь в процессуальную форму результаты исследований объектов. Кроме того, правоприменительная практика, иногда отрицающая возможность проведения специалистом исследований, в подавляющем большинстве случаев придерживается иного мнения, признавая за результатами исследований определенное доказательственное значение².

Таким образом, в настоящее время вполне правомерно с точки зрения закона и гораздо обоснованнее в методологическом аспекте признавать результаты исследований, произведенных до возбуждения уголовного дела, заключением специалиста, нежели иным документом.

Вместе с тем автор, несмотря на высказанные аргументы, считает и эту конструкцию далеко не совершенной.

Во-первых, очевиден ее неоправданно затратный с технической и процессуальной точек зрения характер. Один и тот же объект подвергается специальному изучению для установления одних и тех же обстоятельств, минимум, дважды (в ходе исследования и во время производства экспертизы). При этом они практически полностью совпадают и по изучаемым объектам, и по исследовательским методикам, и по выводам, а различаются лишь по оформлению документа, в котором отражаются результаты изучения объекта.

Во-вторых, при данной конструкции исследование и экспертиза – полностью самостоятельные действия, даже если они производятся практически без перерыва одним и тем же лицом. С формально-юридической точки зрения экспертиза – это не продолжение исследования, а другое действие. Поэтому в ходе нее изучаются только те объекты, которые поступили для производства именно экспертизы. Эксперт не вправе пользоваться данными, установленными в ходе исследования, в частности не может суммировать количественные параметры изучавшихся объектов. Эта изолированность указанных действий приводит к определенным коллизиям. Так, в ряде случаев квалификация по статье уголовного закона связана с определенными

¹ Уголовное дело № 111144144. 2012 г. // Архив следственного управления УВД по городскому округу «Первоуральск» Свердловской области.

² Обзор судебной практики Новосибирского областного суда по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств за первое полугодие 2009 года // URL: http://obsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=201 (дата обращения: 15.05.2016).

количественными параметрами предмета преступления. Например, незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в небольшом размере является административным правонарушением, а в значительном, крупном и особо крупном – уголовным преступлением. При этом во время проведения исследования иногда тратится такое количество наркотического средства, что размер оставшейся массы становится меньше необходимого для привлечения лица к уголовной ответственности. В соответствии со сложившейся в субъектах Уральского федерального округа судебно-следственной практикой использовать при производстве экспертизы результаты исследования, суммируя массу вещества, представленного для проведения исследования и экспертизы, эксперт не вправе из-за самостоятельного характера указанных действий. В итоге возникает парадоксальная ситуация: в ходе исследования, производимого для принятия законного и обоснованного процессуального решения, на легальных основаниях расходуется некоторое количество данного вещества, а впоследствии из-за этих расходов лицо, у которого вещество было обнаружено, невозможно привлечь к уголовной ответственности. При этом результаты исследования, с одной стороны, дают возможность возбудить уголовное дело, а с другой – не подлежат использованию в процессе доказывания.

Пытаясь найти выход из создавшегося положения, практика выработывала довольно спорные решения. Например, по материалам о незаконном обороте боеприпасов, если изымался один предмет, предположительно являющийся патроном, в ходе исследования он только визуально осматривался, после чего указывалось, что, судя по внешнему виду, данный предмет признается боеприпасом. В результате изъятый предмет сохранялся для последующего производства экспертизы, однако была ясна некоторая противоречивость содержания исследования. По сути, в его ходе не проводилось действий по изучению представленного объекта с использованием специальных знаний, а природа предмета определялась только по его внешнему виду. Таким образом, действие, именовавшееся «исследование», фактически исследованием не было.

Вместе с тем возбуждение уголовного дела без проведения исследования также выглядело крайне нецелесообразным, поскольку природа изъятого вещества или объекта в этом случае бы не устанавливалась, обоснованность решения о возбуждении уголовного дела была бы сомнительна, а предъявление лицу обвинения и избрание меры пресечения, по сути, основывались бы исключительно на предположениях следователя. Заведомо допускалась бы равная вероятность принятия как законного, так и незаконного решения, что противоречит правовой сущности возбуждения уголовного дела, задержания по подозрению в совершении преступления, предъявления обвинения, избрания меры пресечения, поскольку все данные решения могут быть приняты только тогда, когда установлено само событие преступления.

Поэтому на практике назначалось вначале исследование (до возбуждения уголовного дела), а затем экспертиза (после возбуждения дела). Данный подход был вынужденным и трудоемким, но в указанной ситуации наиболее правильным и приемлемым.

Практика использования результатов исследования и экспертизы для целей доказывания и квалификации действия виновного также не была однозначной. Можно констатировать, что сформировались два подхода к решению этого вопроса.

Первый заключался в том, что в качестве доказательства использовалось только заключение эксперта, а результаты исследования принимались во внимание исклю-

чительно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Этот подход имел существенный недостаток, заключающийся в том, что он при квалификации действий виновного изначально «мирился» с утратой части вещества, израсходованного во время проведения исследования, и в результате допускал возможность освобождения виновного от уголовной ответственности либо квалификации его действий по норме уголовного закона о менее тяжком преступлении. Вполне возможно, что данный подход не в полной мере отвечает смыслу закона и является в известном смысле локальным, принятым далеко не повсеместно, но нельзя не признать, что сложился он в силу того, что в настоящее время исследование и экспертиза – обособленные друг от друга действия.

Второй подход состоит в том, что результаты исследования и заключение эксперта оценивались комплексно. Например, по делам о незаконном обороте наркотических средств для предъявления обвинения за основу принимается заключение эксперта, однако масса наркотика указывается та, что была установлена на момент начала исследования, а к заключению эксперта прилагается справка о результатах исследования¹. Такой подход точнее соответствует фактическим обстоятельствам совершения преступления, однако с фундаментальных позиций доказательственного права он довольно спорен, поскольку уравнивает по доказательственной силе заключение эксперта и результаты исследования. Кроме того, неясно, как поступать, если изъятое вещество израсходовано в ходе исследования в полном объеме. В научной литературе отмечалось, что в этих случаях «экспертиза производилась формально, без реального изучения предметов, что полностью искажало смысл экспертизы как следственного действия»².

Думается, что универсальный выход из всех отмеченных проблемных зон состоит в законодательном закреплении сокращенной экспертизы. Предложения о проведении своего рода «предварительной» экспертизы по ограниченному числу представленных на исследование объектов, целью которой будет только решение вопроса о наличии события преступления как такового, в науке уголовного процесса были выдвинуты и аргументированы достаточно давно³. В настоящее время практическое решение этого вопроса приобрело особую актуальность в связи с тем, что законодатель предусмотрел возможность проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Можно предложить следующую процессуальную конструкцию. До возбуждения уголовного дела следователь вправе назначить сокращенную экспертизу, что отражается в постановлении о ее назначении. При производстве такой экспертизы эксперт вправе исследовать объекты только в том количестве, в каком это требуется для установления события преступления как такового. Кроме того, при оформлении заключения эксперт может составлять исследовательскую часть в очень сжатой форме, только перечислив выполненные действия и сославшись на примененные экспертные методики, без той конкретизации, которая имеет место в традиционном заключении эксперта, и указать в заключении выводы (ответы на поставленные следователем вопросы). С одной стороны, исследовательская часть, хотя и в сжатом

¹ См., например: приговор Славгородского городского суда Алтайского края от 7 февраля 2012 г. по делу № 1-4/2012 // URL: <https://rospravosudie.com/court-slavgorodskij-gorodskoj-sud-altajskij-kraj-s/act-104706832> (дата обращения: 15.05.2016).

² Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 265–266.

³ Зайцева Е. А., Чипура Д. П. Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам: моногр. Волгоград, 2007. С. 86.

виде, позволит обосновать сформулированные выводы. С другой стороны, составление исследовательской части в предлагаемом виде позволит существенно сократить время оформления экспертного заключения. После этого производство экспертизы прерывается, дальнейшие экспертные исследования откладываются до поступления постановления следователя. Это и есть сокращенная экспертиза.

Затем следователь выносит постановление о производстве полной экспертизы, на этом этапе знакомит с постановлением участников процесса. Поскольку проведение экспертизы еще не завершено, ознакомление участников с постановлением о ее назначении в данный момент соответствует требованиям Конституционного Суда и Пленума Верховного Суда РФ. Эксперт возобновляет проведение экспертизы, выполняет все исследования в полном объеме и составляет заключение с исследовательской частью. Такая экспертиза является полной.

Главное достоинство предлагаемой конструкции заключается в том, что сокращенная и полная экспертизы будут представлять собой не два самостоятельных и изолированных друг от друга процессуальных действия, а два этапа единого следственного действия. Результаты сокращенной экспертизы могут использоваться при проведении полной экспертизы, а итоговое заключение эксперта включит в себя данные, полученные во время как сокращенной, так и полной экспертизы.

Кроме того, в случае проведения дознания в сокращенной форме можно будет ограничиться производством только сокращенной экспертизы. В случае же возврата к общей форме дознания экспертиза может быть возобновлена и проведена уже в полном объеме. Это предотвратит возможность утраты заключением эксперта доказательственного значения, что вполне вероятно при нынешней конструкции дознания в сокращенной форме.

В силу приведенных аргументов представляется правильным сделать вывод о том, что право на получение заключения специалиста властными участниками уголовного судопроизводства не должно использоваться. У властных участников есть гораздо более действенное средство доказывания – назначение судебной экспертизы. Именно ее результаты, в том числе благодаря предупреждению эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, наиболее достоверны из всех форм применения специальных знаний. Введение же сокращенной судебной экспертизы устраним коллизии относительно назначения этого следственного действия до возбуждения уголовного дела и доказательственного значения исследований объектов до принятия решения о возбуждении дела. Наличие в заключении эксперта исследовательской части обеспечит обоснованность экспертных выводов. Кроме того, заключение с исследовательской частью, содержащее, по сути, промежуточные выводы, можно обжаловать, в том числе в судебном порядке.

Таким образом, очевидно, что получение заключения специалиста в перспективе должно использоваться невластными участниками уголовного судопроизводства, прежде всего защитником, на что достаточно давно обращается внимание в научной литературе¹.

Деятельность невластных участников не может рассматриваться как самостоятельное формирование ими полноценных доказательств в силу отсутствия у них необходимых полномочий по производству действий, подкрепленных государственным

¹ *Иванов В. В.* Использование защитником заключения специалиста в доказывании // *Вестн. Самарской гуманитар. академии. Сер.: Право.* 2007. № 1. С. 127–128; *Селина Е. В.* Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // *Журн. рос. права.* 2015. № 12. С. 119.

принуждением, а также заинтересованности в исходе уголовного дела, обуславливающей их изначальную необъективность при получении и оценке доказательственной информации. По той же причине нереально наделить защитника правом самостоятельного, без обращения к следователю, назначения экспертизы, что предлагается некоторыми процессуалистами¹. Назначение экспертизы нельзя сводить только к вынесению соответствующего постановления. Для этого необходимо произвести изъятие необходимых объектов, осуществить выбор экспертного учреждения, в необходимых случаях – получить образцы для сравнительного исследования. Совершенно очевидно, что ни один из невластных участников уголовного судопроизводства, в том числе защитник, не имеет полномочий на проведение всех названных действий. Кроме того, защитник не только не обязан, но и не вправе собирать доказательства, подтверждающие виновность подзащитного, даже если имеет сведения, бесспорно подтверждающие вину его клиента. Какой смысл имеет назначение экспертизы защитником, если на разрешение экспертов им в любом случае будут представлены только объекты, свидетельствующие о невиновности конкретного лица?

Вместе с тем было бы неправомерно вообще лишать невластных участников уголовного судопроизводства возможности устанавливать какие-либо обстоятельства уголовного дела. Такой запрет означал бы существенное нарушение права на защиту от уголовного преследования (в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию), а в отношении потерпевшего – нарушение более фундаментального и общего права на доступ к правосудию, закрепленного непосредственно в Конституции РФ. Поэтому невластные участники, получив какую-либо информацию о событиях, имеющих отношение к уголовному делу, должны направить следователю ходатайство о приобщении данной информации к материалам дела. В свою очередь, следователь по общему правилу не вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства. Лишь после того, как информация, сообщенная невластным участником уголовного судопроизводства, получена из того же источника следователем и закреплена в соответствующей процессуальной форме, она считается доказательством.

При этом крайне важно сохранить за невластными участниками уголовного судопроизводства, прежде всего за адвокатом, право на инициирование исследований, которые объективно требуют от властных участников процесса продолжения доказывания по делу (ч. 3 ст. 86 УПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). На это ранее обращалось внимание в научной литературе². Если результаты таких действий содержат информацию, объективно противоречащую версии органов предварительного расследования, последние вынуждены принять меры по устранению выявившихся противоречий. При этом от таких сведений невозможно просто «отмахнуться», что, к сожалению, иногда имеет место в случаях немотивированного отказа в удовлетворении ходатайств защитника³.

Нельзя согласиться с мнением, что заключение специалиста недопустимо получать в тех случаях, когда законом предусмотрено обязательное проведение экспертизы⁴. Точнее, это мнение было бы абсолютно верным, если бы касалось действий следова-

¹ Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: моногр. М., 2010. С. 371.

² См., например: Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 34.

³ См., например: Баев М. О., Баев О. Я. О правовом механизме нейтрализации обвинительного уклона в досудебном уголовном преследовании // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. 2016. № 1. С. 214–215.

⁴ Дьяконова О. Г. Заключение и показания эксперта и специалиста // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2008. № 1. С. 115.

теля, который ограничился бы получением заключения специалиста вместо назначения экспертизы. Однако получение в подобных ситуациях заключения специалиста невластным участником уголовного судопроизводства может привести к проведению дополнительной или повторной экспертизы, более полной и квалифицированной.

На практике довольно часто так и бывает: защитник по тем же вопросам, по которым была проведена назначенная следователем экспертиза, инициирует получение заключения специалиста. В результате в материалах уголовного дела появляются два процессуальных документа: заключение эксперта и заключение специалиста, причем часто с диаметрально противоположными выводами. В нормативных актах однозначный алгоритм действий в подобных случаях отсутствует, однако он выработан в судебной-следственной практике. С одной стороны, заключение специалиста не в состоянии «превзойти» заключение эксперта, поскольку специалист, в отличие от эксперта, не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Кроме того, получение заключения специалиста, в отличие от экспертизы, инициируется участниками уголовного процесса, имеющими собственный интерес в результатах расследования. С другой стороны, невозможно и игнорировать наличие двух противоречащих друг другу документов, отражающих результаты произведенных специальных исследований. Поэтому следователь обязан в указанных ситуациях назначить дополнительную судебную экспертизу, представив экспертам как заключение первоначальной экспертизы, так и заключение специалиста. В подобных случаях нет оснований говорить о какой бы то ни было «войне экспертиз», поскольку, напротив, дополнительная экспертиза будет носить синтезирующий и «объединяющий» характер.

Таким образом, заключение специалиста отражает проведение исследования объекта лицом, обладающим специальными знаниями. В гносеологическом смысле заключение специалиста практически совпадает с заключением эксперта. Вместе с тем в формально-юридическом аспекте заключение специалиста используется тогда, когда невозможно назначить судебную экспертизу. Проведение исследования специалистом инициируется либо властными участниками уголовного судопроизводства в период, когда назначение экспертизы предельно затруднено из-за законодательных конструкций (например, до возбуждения уголовного дела), либо невластными участниками судопроизводства, в принципе не уполномоченными на назначение судебной экспертизы. В перспективе получение заключения специалиста должно остаться средством, используемым в доказывании исключительно невластными участниками уголовного судопроизводства. Следует согласиться с В. С. Балакшиным, отмечаящим, что заключение специалиста «не может рассматриваться как ущербное... в сравнении с заключением эксперта»¹. Действительно, заключение специалиста – это не «упрощенное» заключение эксперта, а иной вид доказательств, имеющий целью вызвать обоснованные сомнения в правильности заключения эксперта и добиться его пересмотра в установленном процессуальным законом порядке.

Библиография

Баев М. О., Баев О. Я. О правовом механизме нейтрализации обвинительного уклона в досудебном уголовном преследовании // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. 2016. № 1.

Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: моногр. М., 2016.

¹ Балакшин В. С. Указ. соч. С. 210.

Бельский А. И. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Божкова Н. Р. Заключение специалиста // Актуальные проблемы рос. права. 2008. № 4.

Быков В. М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Рос. юстиция. 2013. № 5.

Дьяконова О. Г. Заключение и показания эксперта и специалиста // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2008. № 1.

Еремин С. Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве: Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: моногр. М., 2010.

Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. Волгоград, 2013.

Зайцева Е. А., Чинура Д. П. Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам: моногр. Волгоград, 2007.

Захов З. Б. Формы использования специальных познаний при формировании заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2011. № 2.

Иванов В. В. Использование защитником заключения специалиста в доказывании // Вестн. Самарской гуманитар. академии. Сер.: Право. 2007. № 1.

Когосов А. П. Получение заключений и показаний специалиста как одна из форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2011. № 6.

Лазарева Л. В. Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. 2007. № 1.

О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хожая Артема Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 195 и частью первой статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 7-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statistics/Pages>.

Обзор судебной практики Новосибирского областного суда по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств за первое полугодие 2009 года // URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=201.

Овсянников И. Дискуссия о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2.

Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7.

Петрухина А. Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

Приговор Славгородского городского суда Алтайского края от 7 февраля 2012 г. по делу № 1-4/2012 // URL: <https://rospravosudie.com/court-slavgorodskij-gorodskoj-sud-altajskij-kraj-s/act-104706832>.

Селина Е. В. Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // Журн. рос. права. 2015. № 12.

Семенов Е. А. Специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения: упущение законодателя или вызванная необходимость? // Наука и практика. 2014. № 3.

Сучков А. В., Семенов А. В. Заключение специалиста как самостоятельный вид доказательств // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2009. Т. 1. № 4.

Уголовное дело № 111144144. 2012 г. // Архив следственного управления УВД по городскому округу «Первоуральск» Свердловской области.

Эйман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967.

Bibliography

Baev M. O., Baev O. Ya. O pravovom mexanizme nejtralizacii obvinitel'nogo uklona v dosudebnom ugovnom presledovanii // Vestn. VGU. Ser.: Pravo. 2016. № 1.

Balakshin V. S. Ocenka dopustimosti dokazatel'stv v rossijskom ugovnom processe: monogr. M., 2016.

Bel'skij A. I. Zaklyuchenie i pokazaniya specialista kak dokazatel'stva v ugovnom processe Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.

Bozhkova N. R. Zaklyuchenie specialista // Aktual'nye problemy ros. prava. 2008. № 4.

Bykov V. M. Novyj zakon o poryadke rassmotreniya sledovatelem i doznavatelem soobshheniya o prestuplenii // Ros. yusticiya. 2013. № 5.

D'yakonova O. G. Zaklyucheniya i pokazaniya ehksperta i specialista // Biznes v zakone. Ehkonomiko-yurid. zhurn. 2008. № 1.

Ehjsman A. A. Zaklyuchenie ehksperta. Struktura i nauchnoe obosnovanie. M., 1967.

Eremin S. N. Zaklyuchenie specialista kak novyj vid dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve: Ugolovno-processual'noe i kriminalisticheskoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2004.

Ivanov V. V. Ispol'zovanie zashhitnikom zaklyucheniya specialista v dokazyvanii // Vestn. Samarskoj gumanitar. akademii. Ser.: Pravo. 2007. № 1.

Kogosov A. P. Poluchenie zaklyuchenij i pokazanij specialista kak odna iz form ispol'zovaniya special'nyx znaniy v ugovnom sudoproizvodstve // Vestn. Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser.: Pravo. 2011. № 6.

Lazareva L. V. Nekotorye voprosy zaklyucheniya i pokazanij specialista // Vestn. Vladimirskogo jurid. in-ta. 2007. № 1.

O sudebnoj ehkspertize po ugovnym delam: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 21 dekabrya 2010 g. № 28 // Byul. Verxovnogo Suda RF. 2011. № 2. S. 2–6.

Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Xozhaya Artema Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionnyx prav chast'yu tret'ej stat'i 195 i chast'yu pervoj stat'i 198 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29 yanvarya 2009 g. № 7-O-O // Oficial'nyj sajt Konstitucionnogo Suda RF: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Pages>

Obzor sudebnoj praktiki Novosibirskogo oblastnogo suda po ugovnym delam, svyazannym s nezakonnym oborotom narkoticheskix sredstv za pervoe polugodie 2009 goda // URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=201.

Ovsyannikov I. Diskussiyam o zaklyuchenii specialista 10 let // Zakonnost'. 2015. № 2.

Ovsyannikov I. Zaklyuchenie i pokazaniya specialista // Zakonnost'. 2005. № 7.

Petruxina A. N. Zaklyuchenie i pokazaniya ehksperta i specialista kak dokazatel'stva v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009.

Prigovor Slavgorodskogo gorodskogo suda Altajskogo kraja ot 7 fevralya 2012 g. po delu № 1-4/2012 // URL: <https://rospravosudie.com/court-slavgorodskij-gorodskoj-sud-altajskij-kraj-s/act-104706832>.

Selina E. V. Zaklyuchenie i pokazaniya specialista v ugovnom processe // Zhurn. ros. prava. 2015. № 12.

Semenov E. A. Specialist ne preduprezhdaetsya ob ugovnoj otvetstvennosti za dachu zavedomo lozhnogo zaklyucheniya: upushhenie zakonodatelya ili vyzvannaya neobxodimost'? // Nauka i praktika. 2014. № 3.

Suchkov A. V., Semeno A. V. Zaklyuchenie specialista kak samostoyatel'nyj vid dokazatel'stv // Vestn. Vyatskogo gos. gumanitar. un-ta. 2009. T. 1. № 4.

Ugolovnoe delo № 111144144. 2012 g. // Arxiv sledstvennogo upravleniya UVD po gorodskomu okrugu «Pervoural'sk» Sverdlovskoj oblasti.

Zajceva E. A. Konceptiya razvitiya instituta sudebnoj ehkspertizy v usloviyax sostyazatel'nogo ugovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2008.

Zajceva E. A. Konceptiya razvitiya instituta sudebnoj ehkspertizy v usloviyax sostyazatel'nogo ugovnogo sudoproizvodstva: monogr. M., 2010.

Zajceva E. A., Chipura D. P. Ispol'zovanie special'nyx ehkonomicheskix znaniy v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam: monogr. Volgograd, 2007.

Zajceva E. A., Sadovskij A. I. Formirovanie dokazatel'stv sledovatelem s ispol'zovaniem special'nyx poznanij i nauchno-texnicheskix sredstv: monogr. Volgograd, 2013.

Zaxoxov Z. B. Formy ispol'zovaniya special'nyx poznanij pri formirovanii zaklyucheniya i pokazanij specialista v ugovnom sudoproizvodstve // Biznes v zakone. Ehkonomiko-yurid. zhurn. 2011. № 2.